

Нижнелужицкий язык между немецким и верхнелужицким

Abstract. The Sorbs as a minority in Germany have been subjected to linguistic assimilation for a long time. The fight for language maintenance is complicated by the fact that there are two distinct standard languages: Upper (US) and Lower Sorbian (LS). Internally LS is in a minority position. The attitude of representatives of US towards LS resembles in some aspects that of German towards Sorbian. The history of the relationship between German and Sorbian and between US and LS is traced and it is shown that some aspects of the Sorbian language policy were detrimental for LS because they did not take into consideration the differences between the US and the LS linguistic situation.

Key words: minority languages, Lower Sorbian, Upper Sorbian, language policy, German.

1. Языковой контакт.

Языки в контакте – это и есть языки в конфликте (ср. «[...] in most cases language contact is connected to language conflict» [Nelde 1986: 469], «Le contact de langues en tant que conflit linguistique» [Nelde 1989]). Т. н. «закон Нельде» выражает факт, который известен всем, кто занимается «контактной лингвистикой». Притом языковой конфликт во многих отношениях подобен другим человеческим (индивидуальным и общественным) конфликтам и связан с ними. Здесь можно указать на подтверждение Д. Шкиляна, сделанное в рамках языкового конфликта между сербами и хорватами (сегодня надо еще добавить босанцев/бошняков и черногорцев) и указывающее на взаимосвязи между языковыми и общественными кризисами: «Gotovo vsjakoј dublјoj društvenoj krizi [...] prethodi (a i prati je) neki oblik “jezičnopolitičke krize”» [Škiljan 1988: 135]. Как и в других конфликтах, борьба ведется за пространство, в данном случае – за языковое, потому что языки никогда не существуют в пустом пространстве, но всегда в контексте других языков и в контакте с ними. При этом надо понимать «язык» в широком смысле, включая и конфликты между стандартным языком (и здесь иногда между различными кодификациями) и диалектами, между различными социолектами и т. д. (это равносильно гражданской войне в случае вооруженных конфликтов).

Языковой контакт бывает разных видов. На уровне индивидуума контакт происходит в случае природного многоязычия и изучения других языков, на групповом уровне – билингвизма (соответственно трилингвизма и т. д.) и/или диглоссии, на уровне языков – смешения языков (пиджинизация, явления типа трасянки и суржика), заимствования (franglais, yinglish, spanglish, русангл) и т. д. Такие последствия языкового контакта часто считались (и частично считаются до сих пор) нежелательными: на это указывает негативная коннотация большинства указанных выше терминов (даже многоязычие было, по мнению многих экспертов прошлого, вредным для умственного развития детей). Причину критического отношения к подобным явлениям языкового контакта надо искать в том, что такой контакт очень редко происходит между равными идиомами (по престижу, официальному положению, численности носителей языка и т. д.) и поэтому, как правило, выражается как одностороннее влияние.

Степень влияния одного языка (или разновидности языка) на другой зависит главным образом от неязыковых факторов (область употребления, официальность, престиж, юридическое положение и т. д.), в меньшей степени и от языковых (в особенности от близости языков, способствующей влиянию). Существуют различные возможности реакции на такое влияние: крайними точками являются полное отталкивание такого влияния и отмежевание от другого языка, напр. в виде пуризма, с одной стороны, и полный отказ от собственного языка в пользу другого. Последняя крайность особенно актуальна в случае абсолютных языковых меньшинств (т. е. меньшинства, язык которого нигде не является языком большинства), потому что здесь переход к доминирующему языку всех носителей данного языка является реальной возможностью, и он равносителен «смерти языка» (ср. [Kloss 1984]). Ситуация усложняется, если этот язык испытывает угрозу с двух сторон, т. е. испытывает влияние двух языков (что соответствует войне на два фронта). В дальнейшем речь идет о таком случае, а именно о нижнелужицком языке, находящемся между немецким и верхнелужицким.

2. Лужицкий (славянский) и немецкий.

В исторической перспективе положение нижнелужицкого языка между немецким и верхнелужицким надо рассматривать в более широком контексте отношений между немецким и славянским (ср. с исторической точки зрения [Herrmann 1985] и более специфически для лужичан [Šořta et al. 1977–1979]). В результате великого переселения народов славяне заняли пространство до реки Эльбы (в некоторых регионах даже переступив ее) до IX–X вв. В длительном процессе языковая граница между немецким и славянским перемещалась к востоку, касаясь в первую очередь полабских и поморских славян, а только потом и лужицких. Германизация происходила постепенно, в большинстве случаев мирным путем, как переход от славянского (позже более конкретно лужицкого) одноязычия через славянско(лужицко)-немецкое и немецко-славянское (лужицкое) двуязычие к немецкому одноязычию в течение некоторых поколений. Этот процесс ускоряется после Реформации и особенно на протяжении XIX в. Тогда языковой вопрос станет элементом борьбы между славянами и германами (точнее, немцами), поддерживаемыми, соответственно, идеологиями панславизма и пангерманизма (ср. [Hejret 1909; Fischel 1919; Hoch 1946; Goldendach, Minow 1994; Korinman 1999]). До начала XX в. языковая граница передвигается далеко на восток, а после Второй мировой войны, вследствие перемещения политических границ, опять в западном направлении.

Стабильное двуязычие является в этом процессе исключением. Сегодня оно существует почти исключительно в католических регионах Верхней Лужицы, где сербы-лужичане католики находятся в положении двойного меньшинства: языкового и конфессионального.

Исследовать процесс германизации до Реформации сложно, потому что употребление языков почти не регулируется и редко вспоминается в источни-

ках. Надо полагать, что отношение к языковому вопросу было довольно прагматичным: официальным языком был латинский или немецкий, с переводом в случае необходимости (напр., в судебном делопроизводстве). Т. н. «славянские параграфы» (Wendenparagraphen) в законах городов и правилах гильдий, требующие от кандидатов немецкое происхождение, скорее всего, вызваны экономическими, меньше национальными и еще меньше языковыми соображениями, и они применялись только на периферии славянскоязычного ареала (ср. [Ронин 1990]).

После Реформации положение изменилось коренным образом: языковые вопросы вдруг попали в центр внимания, потому что язык народа стал языком церкви. Для функционирования церкви требовались переводы, прежде всего литургических книг, а также Библии. Хотя в католической церкви языковые правила не изменились, пример протестантской церкви постепенно вдохновлял и ее, так что и здесь чувствовалась необходимость переводов на язык народа. В Лужице, которая, за исключением городов, была почти целиком еще лужицкоязычной, требовались тексты именно на нем, тогда как эти тексты уже существовали на немецком и частично на других славянских языках (польском и чешском), даже в печатном виде.

Вначале такие тексты возникали неорганизованным путем и в рукописном виде. Первые тексты, составленные и переведенные для церковных нужд, были переводом части агенды (книга, более или менее соответствующая требнику) 1543 г. (ср. [Pětr 1965: 10–13]) и Нового Завета 1548 г. (ср. [Schuster-Šewc 1967]), кроме того и псалтири (ср. [Trautmann 1928]) и церковных песнопений (ср. [Wölkowa 2007]; все тексты XVI в.). Переводчики этого первого периода употребляли, как правило, свой собственный или местный диалект. В сравнении с немецкоязычной традицией книгопечатание у сербов-лужицан опаздывает почти на сто лет. Первая книга, содержащая тексты на лужицком языке, а именно катехизм и церковные песнопения, выходит в 1574 г. (ср. [Moller 1959]); за ней следуют второй катехизм на другом диалекте в 1595 г. (ср. [Schuster-Šewc 2001: 15–162, 213–257]), т. н. *Enchiridion Vandalicum* 1610 г. (катехизм с дополнительными текстами, ср. [Tharaeus 1990]) и, наконец, перевод покаянных псалмов в 1627 г. (ср. [Schuster-Šewc 2001: 165–212, 258–272]). В этих книгах, как и в рукописных, еще незаметно стремление к языковой стандартизации: все они отражают соответствующие диалекты. После наступает стагнация из-за Тридцатилетней войны. Расцвет переводческой деятельности заметен в последней четверти XVII в. и в начале XVIII в. Если в начале письменной традиции большинство рукописей и печатных книг отражает диалекты Нижней Лужицы, то расцвет после войны связан, прежде всего, с Верхней Лужицей, главным образом благодаря конкуренции между католицизмом и протестантизмом и поддержке со стороны правительства (земские чины Верхней Лужицы). В результате координированной переводческой и печатной деятельности возникает, таким образом, протестантский вариант верхнелужицкого

письменного языка. Ему противопоставлен католический вариант, возникший на другой диалектной основе.

В Нижней Лужице развитие следовало по другому пути. Здесь не было конфессионального противопоставления, и поэтому отношение церкви к лужицкому языку было менее толерантным. С другой стороны, существовала конкуренция на государственном уровне (сербы-лужичане жили в маркграфстве Нижней Лужицы, с одной стороны, и в дистрикте Котбусе, бранденбургском, позднее прусском эксклаве, с другой). Довольно скоро и здесь возникло конфессиональное противопоставление, потому что бранденбургские князья обратились к кальвинизму. Это не помогало книгопечатанию на лужицком языке, потому что сербы-лужичане в дистрикте Котбусе остались лютеранами, что вызвало недовольство князей и привело к конфискации и уничтожению печатных изданий на лужицком языке в конце XVII в. В начале XVIII в. бранденбургское (прусское) правительство вернулось к политике относительной толерантности, и это способствовало печатанию книг на лужицком диалекте Котбуса, ставшем основой для нижнелужицкого письменного языка.

В результате этого развития с начала XVIII в. существовали три варианта лужицкого языка: верхнелужицкий католический, верхнелужицкий протестантский и нижнелужицкий. Только с этого времени можно говорить о возможном противопоставлении верхне- и нижнелужицкого языков, однако до XIX в. это не имело большого значения, потому что контакты между верхними и нижними лужичанами оставались эпизодическими.

Положение изменилось в XIX веке, веке национализма. Более или менее «мирное сосуществование» с постепенным распространением немецкого языка в ущерб лужицкому превращалось в антагонизм славянского и германского (точнее, немецкого). Если отступление лужицкого перед немецким до сих пор считалось неизбежным и в общем стихийным развитием, то отношение к этому процессу изменилось коренным образом, особенно в рядах части элит, и серболужицких, и немецких. С серболужицкой стороны от лужицкоязычного населения требовалось сознательное сопротивление германизации, немцев обвиняли в пангерманизме. С немецкой стороны сопротивление германизации считалось выражением панславизма и угрозой для немецкого национального движения, а после 1871 г. – для немецкой империи. Эта враждебность усилилась, прежде всего, из-за неязыковых факторов. Модернизация немецких государств (в данном случае Пруссии и Саксонии) и, таким образом, Лужицы (введение более централизованных административных структур, всеобщая воинская повинность, введение всеобщего обязательного обучения, улучшение инфраструктуры, построение железных дорог, начало индустриализации и туризма и т. д.) способствовала распространению немецкого языка, который считался прогрессивным, а борьба за лужицкий язык клеймилась как ретроградство. Взаимные обвинения в панславизме/пангерманизме усиливались особенно после создания немецкой империи в 1871 г. и еще раз после Первой мировой войны в контексте планов части серболужицких элит отделить Лужицу от Германии и включить ее

в состав Чехословакии (ср. [Remes 1993]. Во время национал-социализма, после неуспешной попытки сделать из сербов-лужичан «славянскоговорящих немцев», было запрещено общественное употребление лужицкого языка, а деятельность в пользу языка и культуры сербов-лужичан преследовалась.

После 1945 г. лужицкое меньшинство официально пользовалось образцовыми защитой и поддержкой, однако только при условии беспрекословной поддержки политики партии и правительства. Эта политика и привела к расцвету культурной жизни в первые годы ГДР.

Постепенно, однако, изначальная поддержка со стороны партии и правительства сменилась более равнодушным отношением к меньшинству, и старый лозунг «Лужица будет двуязычной» («Łužica budže dwurěčna/Łužyca bužo dwojorěčna») уступил место новому: «Лужица будет социалистической» («Łužica budže socialistiska/Łužyca bužo socialistiska»; ср. [Pech 1999: 78]). В результате этих изменений и уже указанных других факторов (к ним надо отдельно добавить т. н. «девастацию» деревень в процессе добычи бурого угля открытым способом, которая касалась в большой степени серболужицких деревень, ср. [Förster 1996]) самые большие потери (особенно по числу носителей языка) отмечались именно в XX веке.

3. Нижне- и верхнелужицкий.

Ввиду этого развития можно сказать, что позиция немецкого языка усилилась из-за изменения неязыковых факторов и языковой политики прошлого, несмотря на старания поддержать лужицкий язык и предотвратить или, по крайней мере, смягчить вредное влияние неязыковых факторов. А картина осложняется еще тем, что немецкому языку противопоставлен не единый лужицкий язык, но два письменных языка: верхне- (до XX в. даже в двух вариантах) и нижнелужицкий. Это внутреннее деление возникло, прежде всего, в результате неязыковых (политических и религиозных) факторов (в концепции Х. Клосса они скорее *Ausbau*-, чем *Abstandsprachen* [ср. Kloss 1967]), а до XIX в. оно воспринималось как факт языковой действительности. Исключением является А. Френцель, верхнелужицкий пастор, который уже в начале XVIII в. выразил надежду, что верхнелужицкий письменный язык станет официальным церковным языком для всех сербов-лужичан, ср. [Muka 1881: 74] (о возможности употребления этого языка и католическими лужичанами он, конечно, даже не думал).

Отношение к параллельному существованию трех письменных языков изменилось в XIX в., по крайней мере в серболужицких элитах. Под влиянием концепции славянской взаимности, выработанной Я. Колларом (ср. публикации, собранные в [Kollár 1929]), возникла и идея серболужицкой взаимности, которая считалась необходимой в борьбе против германизации. Сербы-лужичане следовали здесь, прежде всего, чешскому образцу (ср. [Páta 1923/1924]). Центр движения находился в саксонской Верхней Лужице, где в 1847 г. была создана организация *Maćica Serbska* (характерно, что нижнелу-

жицкое «соответствие», Mašica Serbska, закладывалось значительно позднее, в 1880 г., и было менее активным). Необходимыми условиями для повышения «боееспособности» сербов-лужицан считались следующие мероприятия:

1) соединение католического и протестантского вариантов верхнелужицкого письменного языка;

2) введение «славянских» правописания и письма;

3) «славянизация» языка;

4) сближение или даже объединение верхне- и нижнелужицкого языков.

Первые два пункта проекта осуществлялись в журнале «Časopis» («Towafstwa») Mašicy Serbskeje, который с первого выпуска 1848 г. был выходил на объединенном верхнелужицком письменном языке, с использованием новой, т. н. аналогической орфографии (выработанной на основе чешской и частично польской орфографии с употреблением диакритических знаков) и нового шрифта, т. е. латинского (*antiqua*), уже не готического (ср. [Smoleń 1848]). Усилия по третьему пункту сосредоточились на устранении немецкого влияния через языковой пуризм, прежде всего в области морфосинтаксиса и лексики. Это был долгосрочный проект, особенно его лексическая часть, потому что потребовал создания большого количества новых слов для обозначения новых реалий и замены многочисленных заимствований из немецкого языка (ср. [Трофимович 1978; Енч 1989; Jenč 1999: 152–269; Stone 1971]). Особенную роль опять играл образец чешского языка (ср. [Моисеенко 1989; Шустер-Шевц 1989; Stone 1970]).

Четвертый пункт вначале вообще не вспоминался, потому что деятельность Mašicy Serbskeje сосредоточивалась на саксонской и, следовательно, исключительно верхнелужицкой части языкового ареала. Первое предложение сотрудничества между верхними и нижними лужицанами в области языковой политики было поэтому сделано с нижнелужицкой стороны: сербам-лужицанам в Нижней Лунице советовалось пользоваться верхнелужицким опытом при создании новой лексики (ср. [Tešnař 1853]). В контексте создания нижнелужицкой Mašicy Serbskeje была напечатана первая статья, специально посвященная вопросу соотношения верхне- и нижнелужицкого языков и предлагающая конкретно их сближение (ср. [Hórnik 1880: 161–164]; автор высказывается против объединения языков, пока не будет существовать единых политических или общественных структур).

А второй пункт стал вырабатываться для нижнелужицкого языка только в конце XIX в. и в начале XX в. (ср. [Mucke 1891: 16–23; Šwela 1903]).

Надо, однако, еще раз подчеркнуть, что все это было проектом элит (прежде всего, верхнелужицких) и что большинство данных нововведений не было принято народом (неэлитами) вплоть до середины XX в. Журналы, церковная литература и календари, например, печатались большей частью готическим шрифтом вплоть до заказа лужицкоязычных публикаций в 1937 г. (1939 г.). Ведущая роль верхнелужицких элит в процессе обновления осложняла положение в Нижней Лунице, где большинство мероприятий считалось попыткой

верхнелужицких элит подчинить себе нижних лужичан. Кроме того, проект отделения Лужицы от Германии, предложенный частью верхнелужицких элит после Первой (и, забегая вперед, отметим, что и еще раз после Второй) мировой войны, считался государственной изменой в консервативной и патриотичной прусской Нижней Лужице, и поэтому отрицательные реакции были особенно сильны именно там. (Если они вообще были; большинство серболужицкого населения как в Нижней, так и Верхней Лужице не интересовалось вопросами языковой политики.)

После Второй мировой войны положение лужицкого меньшинства изменилось коренным образом. Уже в последние дни войны лужичане подчеркнули свою принадлежность к славянам (ср. надписи на домах типа «В этом доме живут славяне – лужицкие сербы» или «В этом доме живут Сербы Лужицкие – W tym domu żyja Serbowie, prosimy ich wziąć w opiekę»; ср. [Rajš 1987: 166]; орфография оригиналов сохраняется). И положение лужичан действительно улучшилось в новых условиях, несмотря на тот факт, что им опять не удалось добиться отделения от Германии или, по крайней мере, автономии (ср. [Schurmann 1998]). Взамен им обещали защиту и поддержку, и впервые в истории они могли пользоваться государственным аппаратом, хотя в ограниченном размере. Таким образом, лужицкие элиты могли, наконец, осуществить свои планы. В области языка это включило реформу правописания и введение лексически и грамматически очищенного языка. Все это осуществилось в Верхней и в Нижней Лужице по единому верхнелужицкому образцу и с явной целью сближения верхне- и нижнелужицкого письменных языков, *de facto* реализованного односторонне так, что нижнелужицкий язык стал более верхнелужицким. Такая языковая политика была возможна благодаря контролю над общественным употреблением языка (т. е. в СМИ, в печати, в училищах, во всех случаях публичной речи), так что к политической цензуре добавилась еще языковая.

Насколько можно судить на основе источников, отношение к этим планам в Верхней Лужице было в общем скорее положительным, несмотря на тот факт, что большинство людей, агитирующих за данные перемены, поддерживало также антицерковную политику партии и правительства и борьбу за коллективизацию сельского хозяйства. Попытки распространить такую же языковую политику на Нижнюю Лужицу встретили там сильную оппозицию, особенно когда «миссионеры» из Верхней Лужицы оказались недостаточно гибкими и не готовыми приспособлять политику к специфическим условиям, господствующим в Нижней Лужице. Результатом такой централизованной языковой политики стал массовый отказ от нижнелужицкого языка и переход к немецкому, в частности в течение одного поколения. В последние годы существования ГДР почти уже не было молодых людей, для которых нижнелужицкий был родным языком (ср. об этом [Jodlbauer et al. 2001; Norberg 1996]).

С прекращением существования ГДР отпадал прямой государственный (и тем более партийный) контроль над культурной жизнью сербов-лужичан. Кроме того, т. н. «демократический централизм» уступил место федеральному

принципу. Попытка создать структуру, объединяющую всех сербов-лужичан (земля Лужица) не увенчалась успехом, и территория осталась разделенной между вольным государством Саксония и землей Бранденбург, что, впрочем, оказалось преимуществом, потому что сербы-лужичане умело использовали конкуренцию между Саксонией и Бранденбургом (так, например, верхнелужицкие сербы добились телевизионной программы на Среднегерманском Радио (MDR), сославшись на Радио Берлин-Бранденбург (RBB), где такая программа уже существовала). Распад централизованных структур дал сербам-лужичанам в Нижней Лужице возможность вести более самостоятельную культурную политику, и они этим сразу воспользовались. Самостоятельность возникла на организационном уровне (особенно в области образования, законодательства, СМИ) в связи с федеральными структурами ФРГ, а также в их собственных организациях. Так, например, была создана самостоятельная нижнелужицкая *Mašica Serbska*, *Serbski institut z. t.* (бывший *Institut za serbski ludospyt*) открыл отделение в Нижней Лужице, а нижнелужицкая подкомиссия серболужицкой языковой комиссии превратилась в нижнелужицкую языковую комиссию и провела более самостоятельную языковую политику (ср. ниже).

Даже терминологически отделились сербы-лужичане Нижней Лужицы от Верхней, по крайней мере, в немецком языке: в Нижней Лужице возобновилось употребление обозначений *Wende(n)* и *wendisch*, которые после войны считались уничижительными и заменились более нейтральными *Sorbe(n)* и *sorbisch* в официальных контекстах. Положение осложняется еще тем, что значение слов определяется по-разному. Одни считают эти слова синонимами и употребляют только одно (или варьируют в зависимости от контекста). Другие различают их по значению, употребляя *wendisch* для нижне-, а *sorbisch* для верхнелужицкого. Существует и альтернативная интерпретация: *wendisch* должно употребляться для «истинного нижнелужицкого», т. е. деревенский диалектный язык, а *sorbisch* – для стандартного нижнелужицкого, который считается чужим и находящимся под верхнелужицким влиянием, и для верхнелужицкого. Некоторые сторонники этой позиции даже выдумали нижнелужицкие соответствия немецких обозначений: для *wendisch* употребляют *serski*, а для *sorbisch* – *serbski*. Дискуссия отражается и в юридической терминологии: в Бранденбурге серболужицкий закон называется *Sorben(Wenden)-Gesetz* (в Саксонии это просто *Sorbengesetz*).

4. Нижнелужицкий язык между немецким и верхнелужицким.

Остается еще показать на примерах, как положение нижнелужицкого языка между немецким и верхнелужицким выражается конкретно в языке. Различное влияние двух соседей, а также индивидуальные черты можно найти на всех уровнях языка, и особенно ярко они выступают в исторической перспективе.

На уровне письма (точнее, шрифта) и правописания долгое время (вплоть до XX в., как уже сказано) царствовал принцип: по-немецки там, где это возможно, по-славянски там, где необходимо. Об этом свидетельствует употребление готического шрифта с (частично) немецкой орфографией до XIX в. Здесь ниж-

не- и верхнелужицкие языки не различались в принципе, хотя в конкретных случаях нашли различные решения. Немецкое правописание видно в следующих случаях: /s/ = <ß>, /z/ = <ŕ>, /ts/ = <ſ>, /ʃ/ = <ſch> (в нижнелужицком передается позже через «перечеркнутое» ^ſ в сочетании с <h>), ср. [Bierling 1689; Fabricius 1706, предисловие]. Католическое верхнелужицкое правописание было здесь ближе славянской, т. е. чешской, традиции (которая, как известно, сохраняла готический шрифт до XIX в., ср. [Galmiche 2001]), употребляя /s/ = <ŕ>, /z/ = <ſ>, /ts/ = <č>, /ʃ/ = <ř> (ср. [Ticinus 1679: 1–4]). Славянские фонемы, не существующие в немецком (особенно мягкие согласные), передавались буквами с диакритическими знаками, напр. <ï> и <ĕ> (т. н. *dyrkowaŕe*, т. е. обозначение с точкой, или *smuŕkowaŕe*, т. е. с чертой).

Параллельно с середины XIX в. использовали чисто славянское правописание (ср. выше), употребляя латинский шрифт и диакритику и указывая на мягкость перед вокалом переднего ряда через <j> (т. н. *jotowanje*). Вышеуказанные примеры «немецкой» орфографии заменились следующими: /s/ = <s>, /z/ = <z>, /ts/ = <c>, /ʃ/ = <š>. Новое правописание вырабатывалось, прежде всего, для верхнелужицкого языка и приспособлялось к особенностям нижнелужицкого языка лишь поверхностно (так, например, не различались /ʃ/ и /ç/, и писали одинаково <rŕes>, хотя в «немецком» правописании соблюдалась разница: <rŕſchcz> ‘прочь’, а <rŕſchcz> ‘всегда’. После периода сосуществования различных решений (для обозначения мягкости [Hórnik 1869: 42] требовалось последовательное *jotowanje*, а с другой стороны – печаталась поэма нижнелужицкого писателя М. Косык, где так же последовательно использовалось *smuŕkowaŕe* [Kósyk 1882]), адаптировалось верхнелужицкое правописание, но со значительными изменениями, которые представляют компромисс в пользу традиционной орфографии: указанные выше примеры писались <rŕes> и <rŕes>, а для указания мягкости согласных употреблялась довольно сложная смешанная система, которая точно передавала особенности нижнелужицкого произношения, употребляя *smuŕkowaŕe* и *jotowanje*: <ńejo> ‘нету’, <řeřaz> ‘цепь’, <ńele> ‘много’, а <ńasć> ‘нести’, <řag> ‘удар’, <wjaz> ‘село’.

Итак, можно сказать, что верхне- и нижнелужицкие языки шли сходными путями при решении вопросов правописания, вырабатывая вначале смешанные немецко-славянские системы на основе готического шрифта, а потом чисто славянское правописание для латинского шрифта. Во втором случае, однако, нижнелужицкий язык нашел компромисс и перенес некоторые особенности старой системы в новую (ср. [Šwela 1903: 21]).

После Второй мировой войны (верхне)лужицкие элиты могли, наконец, осуществить свои планы в пользу защиты лужицкого языка и предотвращения дальнейшей германизации. Важным элементом было, как уже сказано, сближение верхне- и нижнелужицкого языков. Велись даже дискуссии, насколько можно считать нижнелужицкий язык самостоятельным, и вновь прозвучало предложение отказаться от нижнелужицкого языка в пользу верхнелужицкого. В конце концов, удовлетворялись реформой правописания, которая явно при-

близила нижнелужицкий язык к верхнелужицкому (ср. [Pohónčowa 2001], которая указала на то, что нижнелужицкие представители в комиссии, которые и без того находились в меньшинстве, были более или менее вынуждены подписать решения). В частности, вводились следующие изменения:

1) *-i-* => *-ě-* там, где в верхнелужицком тоже *-ě-* (<nimski> => <němski> ‘немецкий’);

2) *-ó-* => *-o-* (<wóda> => <woda> ‘вода’);

3) *h-* => *w-* там, где в верхнелужицком тоже *w-* (<hucony> => <wucony> ‘ученый’);

4) смешанная система *smužkowaŋe/jotowanje* => сплошное *jotowanje* (указанные выше примеры писались после реформы <njejo>, <rješaz>, <wjele> и <njasć>, <ŕjag>, <wjaz>);

5) готический шрифт и «немецкое» правописание => латинский шрифт и «славянское» правописание.

Первые три пункта касались также орфоэпии, потому что в учебных заведениях преподавали произношение по письму (*spelling pronunciation*), и это окончательно отчуждало значительную часть носителей языка, говорящих на диалекте, от стандартного языка.

Поэтому неудивительно, что сразу после прекращения существования ГДР и распада централизованных структур начались дискуссии о реформе реформы, и языковая комиссия постепенно отменила большую их часть:

1) *-ě-* => *-i-* в 1995 г.;

2) *-o-* => *-ó-* в 1996 г. как вспомогательный знак в учебниках, с 1998 в качестве регулярной буквы; правила употребления буквы, однако, отличаются от старой традиции (ср. [Starosta 1998] и [Faska 1999]);

3) *w-* => *h-* частично с 2012 г. (только в церковной печати);

4) смешанная система *smužkowaŋe/jotowanje* не восстановилась, и дискуссия по этому вопросу даже не велась;

5) и готический шрифт с «немецким» правописанием официально не восстановился. Появились, однако, две книги для церковного употребления, где старое (готический шрифт) и новое (латинский шрифт) печатаются рядом, а именно литургия («Dolnoserbska liturgija», 1991, со смешанным правописанием, употребляя *-ě-*, *-o-* и *w-*) и книга церковных песнопений («Duchowne kjarliže», 2007, по старым правилам).

В области лексики с самого начала письменной традиции наблюдается сильное влияние немецкого языка. Это, на первый взгляд, удивляет, потому что серболужицкое население, как правило, не было двуязычным. С другой стороны, переводчики и авторы, большей частью духовные, получили образование преимущественно на немецком (или латинском) языке и переводили, главным образом, с немецкого (или латинского). Против многочисленных немецких заимствований боролись, прежде всего, в рамках проекта «славянизации» лужицкого языка, и это движение было особенно сильным с XIX в. Нижнелужицкий язык остался в сто-

роне от данного движения, за исключением отдельных выступлений за «чистоту» языка и уже указанной ранее программной статьи Я. Б. Тешнаря:

Ja wam hobweščeluju, až wono nam tak sčěšćko pšěšćh nježjo, redne a žisto hěrske Eslowa sa te nimske do nasčěje Nězy směšćane, namafšć; pšěćto my ga mamy Bratschi, kenz to južor dawno sachopili šu a jo hišćeži pšěčeje wězej a wězy žnje, ja menim nasče hěrske Bratschi we gorejznej Łužicy we starem hěrskem Měšće Budyšćine. K'tym možomy stupišć, a šebe – nřz ako pla' Zusego, ako pla' Nimza – požyzišć, zož namamy. [Tešnar 1853: 68]. – 'Уверяю вас, что не будет так тяжело найти красивые и чисто лужицкие слова вместо немецких, которые пробрались в наш язык, потому что у нас есть братья, которые давно уже начали это дело и продолжают заниматься этим все больше и больше. Имею в виду наших серболужицких братьев в Верхней Лужице, в старом серболужицком городе Будышин (Bautzen). К ним можно подойти и требовать от них – не как от чужого, от немца, – то, чего у нас нет'.

Последовательный, так сказать официальный, лексический пуризм начинается в нижнелужицком языке после 1945 г. под верхнелужицким влиянием. Обычно вводятся верхнелужицкие слова (частично в свою очередь взятые из чешского), иногда даже без звуковой адаптации (ср. [Pohontsch 2002]). Эта политика опять содействует отчуждению части нижнелужицкого населения от стандартного языка.

После 1989 г. и здесь наблюдается естественная реакция: некоторые авторы возвращаются все больше и больше к старым словам, заимствованным из немецкого: вместо *módlis se* 'молиться', *góžina* 'час', *wobraz* 'образ' и т. д. употребляются *bjadowaś*, *štunda*, *bildka*. Это развитие особенно заметно в газете и на радио. Заимствования из немецкого часто применяются в стилистических целях. Такое изменение ведет к ожесточенным дискуссиям между приверженцами политики *laissez-faire* и пуристами. Защитники развития называют это демократизацией, а противники – пауперизацией (ср. [Faska 2003]). На самом деле, это только реакция против языка, который считается не своим, а искусственным, чужим, верхнелужицким.

Подобное развитие наблюдается в области морфосинтаксиса, хотя здесь некоторые случаи влияния немецкого языка на лужицкий, напр. т. н. рамочная конструкция, ускользнули от внимания пуристов. Самыми заметными германизмами в лужицком являются употребление артикля и страдательные конструкции с глаголом *wordować* в верхнелужицком и *wordowaś* / *hordowaś* в нижнелужицком языке. (На самом деле, надо сказать, что употребление артикля является только изначально заимствованием из немецкого языка. Потом он развивается самостоятельно по правилам, свойственным лужицкому языку, ср. [Михалк 1980] и [Berger 1999].) В рамках «славянизации» эти германизмы вытеснялись из письменного языка, опять более основательно из верхнелужицкого (в верхнелужицкой разговорной речи католического региона, однако, артикль употребляется регулярно, также по правилам, отличным от немецких, ср. [Breu 2003]). В нижнелужицкой традиции заметны лишь отдельные попытки устранения страдательных конструкций с *wordowaś* / *hordowaś* (ср. [Bartels 2006]), а артикль употребляется свободно вплоть до середины XX в. Эта традиция исчезает после войны под влиянием верхнелужицкого пуризма, и возвращается по-

сле 1989 г. Причины для отказа от пуристического языка здесь те же самые, что и в области лексики.

5. Заключение.

Лужицкий язык подвергался сильному немецкому влиянию на всех уровнях языка с самого начала письменной традиции. Немецкое влияние продолжалось и после возникновения отдельных верхне- (в протестантском и католическом вариантах) и нижнелужицких языков, а внутрилужицкое взаимное влияние остается маргинальным. С середины XIX в. начинается политика сознательного вытеснения немецких элементов, прежде всего из верхнелужицкого языка. После Второй мировой войны пуристическая языковая политика распространяется также на нижнелужицкий язык и дополняется довольно заметным сближением нижнелужицкого языка с верхнелужицким в рамках языковых реформ. Эта языковая политика ведет к отклонению реформированного стандартного языка у носителей диалектного языка и к массовому переходу на немецкий язык. В условиях объединенной Германии наблюдается отказ от части реформ и таким образом также от приближения к верхнелужицкому языку. В результате заметно обновление старых традиций вплоть до употребления готического шрифта в исключительных случаях и до нового расцвета германизмов. Но реформы реформ вызывают новые дискуссии, а споры между сторонниками различных позиций ослабляют еще больше нижнелужицкий язык, который и так находится в критическом состоянии. Нижнелужицкий язык – это еще один пример, где добронамеренная языковая политика, которая не согласована с носителями языка, в итоге является вредной и где даже возвращение к *status quo ante* не помогает.

Список литературы

1. Енч, Г. О развитии лексической нормы верхнелужицкого литературного языка со второй половины XIX в. до настоящего времени / Г. Енч // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов: сб. науч. тр. М., 1989. С. 66–77.
2. Михалк, Ф. О частотности и дистрибуции «определенного артикля» в серболужицко-немецком языковом контакте / Ф. Михалк // Македонски јазик. 1980. № 1. С. 77–84.
3. Моисеенко, В. Е. Некоторые особенности чешского языкового влияния в верхнелужицком литературном языке (словообразовательный аспект) / В. Е. Моисеенко // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов: сб. науч. тр. М., 1989. С. 49–65.
4. Ронин, В. К. Славяне к западу от Одера в немецких памятниках XIV–XV вв. / В. К. Ронин // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в средние века: сб. тезисов. М., 1990. С. 34–38.
5. Трофимович, К. К. Развитие верхнелужицкого литературного языка в середине XIX века / К. К. Трофимович // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 158–206.
6. Шустер-Шевц, Г. Возникновение современного верхнелужицкого литературного языка в XIX в. и проблема влияния чешской модели / Г. Шустер-Шевц // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов: сб. науч. тр. М., 1989. С. 4–23.
7. Bartels, H. *Wordowaś: Wó ranych wopytach wutłocowanja póžyconki* / H. Bartels // Lětopis. 2006. № 53/2. P. 90–103.
8. Berger, T. Die Gebrauchsbedingungen des bestimmten Artikels im älteren Obersorbischen / T. Berger // Lětopis. 1999. 46. Wosebity zešiwk. P. 7–23.

9. Bierling, Z. Didascalía. seu Orthographia Vandalica Das ist / Wendische Schreib= und Lefe=Lehr / Auf das Budiffinische Idioma oder Dialectum mit Fleiß gerichtet. Budissin 1689 // URL: [http://dfg-viewer.de/show/?set\[mets\]=http%3A//digitale.bibliothek.uni-halle.de%2Foi%2F%3Fverb%3DGetRecord%26metadataPrefix%3Dmets%26identifier%3D444927](http://dfg-viewer.de/show/?set[mets]=http%3A//digitale.bibliothek.uni-halle.de%2Foi%2F%3Fverb%3DGetRecord%26metadataPrefix%3Dmets%26identifier%3D444927). Дата доступа: 13.08.2014.
10. Breu, W. Der definite Artikel in der obersorbischen Umgangssprache / W. Breu // Krause M., Sappok Ch. (eds.). Slavistische Linguistik 2002. Referate des XXVIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Bochum, 10.–12.9.2001. München, 2004. P. 9–57.
11. Fabricius, G. D. Martin Luthers sel. Kleiner Catechismus nebst einem Christlichen Glaubens = Bekäntnüs / G. D. Fabricius. Cotbus, 1706.
12. Faska, H. Džěl a knjež! – Aktualne problemy Serbow a serbskeje rěče w Delnjeje Łužicy / H. Faska // Wrocławska E., Zieniukowa H. (eds.) Języki mniejszości i języki regionalne. Warszawa, 2003. P. 173–183.
13. Faska, H. Pismik ó w delnjoserbsčinje / H. Faska // Serbska šula. 2007. № 60. P. 10–12.
14. Fischel, A. Der Panslavismus bis zum Weltkrieg: ein geschichtlicher Überblick / A. Fischel. Stuttgart; Berlin, 1919.
15. Förster, F. Verschwundene Dörfer. Die Ortsabbrücke des Lausitzer Braunkohlreviers bis 1993 / F. Förster. Bautzen, 1996.
16. Galmiche, X. *Romaine* contre *gothique*: aspects culturels des options alphabétiques et typographiques dans les Pays tchèques au XIXe siècle / X. Galmiche // Slavica occitania. 2001. № 12. P. 191–216.
17. Goldendach, W. von, Minow, H.-R. „Deutschtum erwache!“: aus dem Innenleben des staatlichen Pangermanismus / W. von Goldendach, H.-R. Minow. Berlin, 1994.
18. Hejret, J. Pangermanismus a Slovanstvo / J. Hejret. Praha, 1909.
19. Herrmann, J. (ed.). Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neiße vom 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1985.
20. Hoch, K. Pangermanismus / K. Hoch. Praha, 1946.
21. Hórník, M. Wudospołnjenje delnjołužiskeho prawopisa / M. Hórník // Časopis Towarstwa Maćicy Serbskeje. 1869. № 22. P. 42–44.
22. Hórník, M. Wutworjenje našeje spisowneje rěče a jeje zbliženje z delnjoserbskej / M. Hórník // Časopis Maćicy Serbskeje. 1880. № 33. P. 155–164.
23. Jenč, H. Die Entwicklung der Lexik der obersorbischen Schriftsprache vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts / H. Jenč. Bautzen, 1999.
24. Jodlbauer, R., Spieß, G., Steenwijk, H. Die aktuelle Situation der niedersorbischen Sprache. Ergebnisse einer soziolinguistischen Untersuchung der Jahre 1993–1995 / R. Jodlbauer, G. Spieß, H. Steenwijk. Bautzen, 2001.
25. Kloss, H. ‘Abstand Languages’ and ‘Ausbau Languages’ / H. Kloss // Anthropological Linguistics. 1967. Vol. 9. № 7. P. 29–41.
26. Kloss, H. Umriß eines Forschungsprogramms zum Thema ‚Sprachentod‘ / H. Kloss // International Journal of the Sociology of Language. 1984. № 45. P. 65–76.
27. Kollár, J. Rozprawy o slovanské vzájemnosti / J. Kollár. Praha, 1929.
28. Korinman, M. Deutschland über alles: le pangermanisme 1890–1945 / M. Korinman. Paris, 1999.
29. Kósyk, M. Přerada markgrofy Gera / M. Kósyk // Časopis Maćicy Serbskeje. 1882. № 34. P. 90–113.
30. Moller, A. Niedersorbisches Gesangbuch und Katechismus, Budissin 1574 / A. Moller. Berlin, 1959.
31. Mucke, K. E. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzisch-wendischen) Sprache / K. E. Mucke. Leipzig, 1891.
32. Muka, E. Frenceliana. Druhi džěl / E. Muka // Časopis Maćicy Serbskeje. 1881. № 34. P. 69–78.

33. Nelde, P. H. Language Contact versus Language Conflict / P. Nelde // J. A. Fishman, A. Tabouret-Keller, M. Clyne, Bh. Krishnamurti, M. Abdulaziz (eds.). *The Fergusionian Impact. In Honor of Charles A. Ferguson on the Occasion of His 65th Birthday. Vol. 2: Sociolinguistics and the Sociology of Language.* Berlin, etc. 1986. P. 469–482
34. Nelde, P. H. Le Contact de langues en tant que conflit linguistique / P. H. Nelde // F. H. Riedl, Th. Veiter (eds.). *Fédéralisme, Régionalisme, et Droit des Groupes Ethniques en Europe. Hommage à Guy Héraud.* Wien, 1989. P. 277–287.
35. Norberg, M. Sprachwechselprozeß in der Niederlausitz. Soziolinguistische Fallstudie der deutsch-sorbischen Gemeinde Drachhausen/Hochoza / M. Norberg. Uppsala, 1996.
36. Páta, J. Lužickosrbské národní obrození a československá účast v něm / J. Páta // *Slavia*. 1923/1924. № 2. P. 344–370.
37. Pech, E. Die Sorbenpolitik der DDR 1949–1970. Anspruch und Wirklichkeit / E. Pech. Bautzen, 1999.
38. Pětr, J. Přinoški k stawiznam serbskeje rěče a kultury / J. Pětr // *Lětopis*. 1965. A 12 (1). P. 1–17.
39. Pohončowa, A. Procowanje wo psibliženje gorno- a dolnoserbskego pšawopisa po lěše 1945 / A. Pohončowa // *Lětopis*. 2001. 47 (1). P. 65–89.
40. Pohontsch, A. Der Einfluss obersorbischer Lexik auf die niedersorbische Schriftsprache / A. Pohontsch. Bautzen, 2002.
41. Rajš, F. Stawizny Domowiny we słowje a wobrazu / F. Rajš. Budyšin, 1987.
42. Remes, F. W. Die Sorbenfrage 1918/19. Untersuchung einer gescheiterten Autonomiebewegung / F. W. Remes. Bautzen, 1993.
43. Schurmann, P. Die sorbische Bewegung 1945–1948 zwischen Selbstbehauptung und Anerkennung / P. Schurmann. Bautzen, 1998.
44. Schuster-Šewc, H. Die ältesten Drucke des Obersorbischen. Wenceslaus Warichius und Gregorius Martini. Eine sprachwissenschaftliche Analyse. Mit Faksimiledruck, Transliteration und Transkription / H. Schuster-Šewc. Bautzen, 2001.
45. Schuster-Šewc, H. (ed.). *Das niedersorbische Testament des Miklawuš Jakubica 1548.* Berlin, 1967.
46. Smolef, J. E. Předspomnjenje / J. E. Smolef // *Časopis Towarstwa Mačicy Serbskeje*. 1848. № 1. P. 3–4.
47. Starosta, M. Pismik ó w dolnoserbšćinje / M. Starosta // *Serbska šula*. 1998. № 51. P. 111–112.
48. Stone, G. Lexical Changes in the Upper Sorbian Literary Language during and following the National Awakening / G. Stone // *Lětopis*. 1971. A. № 18 (1). P. 1–127.
49. Stone, G. Some Czech Lexical Elements in the Formation of the Upper Sorbian Literary Language / G. Stone // *Oxford Slavonic Papers. New series*. 1970. № 3. P. 76–84.
50. Škiljan, D. Jezična politika / D. Škiljan. Zagreb, 1988.
51. Šořta J., Schiller Klaus J., Kasper M., Měřšk F. (eds.). *Stawizny Serbow. I–IV.* Budyšin, 1977–1979.
52. Šwela, G. Nastaše a rozwiše dolnoserbskego pšawopisa / G. Šwela // *Časopis Mačicy Serbskeje*. 1903. № 56. P. 3–22.
53. [Teřnař], J. B. Serske Słowa k serskim Hutřobam / J. B. Teřnař // *Bramborski serski Casnik*. 1853. № 15–18. P. 59–60, 63–64, 67–68, 71–72.
54. Tharaeus, A. *Enchiridion Vandalicum* / A. Tharaeus. Bautzen, 1990.
55. Ticinus, J. X. *Principia linguæ wendicæ quam aliqui wandalicam vocant* / J. X. Ticinus. Pragæ, 1679.
56. Trautmann, R. (ed.). *Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter.* Leipzig, 1928.
57. Wölkowa, S. Gregoriusowe kěrlušowe knižki a jich pozicija mjez najstarřimi hornjoserbskimi rěčnymi pomnikami / S. Wölkowa. Budyšin, 2007.